

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 2000

УДК 616-091:378.661]:93(470)«18»

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

**ПРЕПОДАВАНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (сообщение 3)**

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия РАМН"

"Мнение об учреждении новой кафедры для Анатомии патологической и для Физиологии сравнительной"

В 1824—1825 гг. М. Я. Мудров неожиданно для окружающих превратился в сторонника идей парижского профессора Ф. Бруссе. Как восприняли современники это "внезапное перерождение", точно неизвестно, но ученик и первый биограф М. Я. Мудрова П. Л. Страхов спустя 30 лет писал об этом кратко, давая понять, что увлечение не было сильным и что М. Я. Мудров в конце концов сам осознал бесперспективность бруссеизма: "...с 1824 года начал склоняться к теоретическому воззрению новой, образовавшейся во Франции, медицины физиологической; стали ему нравиться сочинения, в коих излагалось учение Парижского Профессора Бруссе, некоторым образом подходивше-

го к его практическим наблюдениям; вследствие чего он с кафедры начал преподавать лекции в особом порядке... Мудров и в клинике начал было следовать тому же воззрению, однако же опыты показали, что теория Бруссе, тоже, что и теория Броуна¹,

¹ Имеется в виду шотландский врач Дж. Броун (J. Brown), автор широко распространенной в конце XVIII—начале XIX века медицинской системы "броунизма", которую некоторое время признавал М. Я. Мудров.

вывороченная наизнанку, не оправдала тех великих успехов, которые провозглашались в книгах...².

Отечественные историки медицины XX века использовали опыт П. Л. Страхова, чтобы показать, что временно возникший интерес к популярным в то время в Европе работам Ф. Бруссе не оказал сколько-нибудь заметного влияния на М. Я. Мудрова. "Теоретические взгляды Мудрова, — писал, например, А. Г. Лукасян, — сложились задолго до появления на медицинском поприще Бруссе (1816 г.). Поэтому было бы неправильно связывать передовые идеи Мудрова с именем Бруссе, тем более что в учении последнего было немало научно необоснованных и надуманных положений"³. В таком же духе высказывались Г. А. Колосов и В. Н. Смотров⁴.

Стремление отечественных историков медицины отделить друг от друга имена М. Я. Мудрова и Ф. Бруссе можно понять. Пережив период небывалой популярности, Ф. Бруссе был быстро сброшен с пьедестала и вошел в историю медицины как создатель очередной "уводившей медицину с ее магистрального пути" умозрительной теории⁵, но оказавший, однако, медицине "единственную услугу", состоявшую "в ясно выраженной оппозиции к господствовавшему в то время онтологическому взгляду" на сущность болезней⁶.

"Услуга медицине", оказанная Бруссе, о которой упоминает Т. Мейер-Штейнег, на самом деле была весьма существенной, но не единственной. И состояла она не в "оппозиции", а в коренном пересмотре традиционно сложившегося и господствовавшего представления о сущности болезни. Вообще, если, оценивая наследие Ф. Бруссе, не ограничиваться "физиологическим учением", а внимательно и беспристрастно разобраться в существе и значимости его более ранних работ, станет понятней, и почему Ж.-Б. Буйо считал, что "медицинская революция, основание которой заложил Ф. Бруссе в 1816 году, является, бесспорно, самой значительной из того, что медицина испытала в новое время"⁷, и почему М. Я. Мудров признал и взял на вооружение ряд важных и перспективных положений, сформулированных Ф. Бруссе на основе проведенных им клинико-морфологических исследований. К ним, в частности, относились следующие:

1. Болезнь не является неким существом, проникающим в тело человека и живущим в нем по собственным законам, как это было принято считать, а протекающим в организме патологическим процессом. "Рассуждать о вымышленных существах, как о вредных силах, действующих на органы и иные изменяющих, производя в них то или другое расстройство, — писал Ф. Бруссе, — значит принимать действия за причины и заниматься онтологией... (Онтология есть наука о существах)"⁸.

2. Не болезнь производит морфологические повреждения, а морфологические повреждения, вызывая соответствующую симптоматику, являются болезнью: "Нет болезней в чистом виде, есть только крик болящих воспаленных органов"⁹.

²Библиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Ч. II. — С. 126. Об увлечении М. Я. Мудрова идеями Ф. Бруссе писали Н. И. Пирогов (Собр. соч. — М., 1962. — Т. 8. — С. 203) и И. В. Варвинский (О влиянии патологической анатомии на развитие патологии вообще и клинической в особенности // Московский врачебный журнал. — 1849. — Ч. I. — С. 70).

³Лукасян А. Г. Мудров — основоположник отечественной внутренней медицины // Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 101.

⁴Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915. — С. 54; Смотров В. Н. Мудров. — М., 1947. — С. 52—53.

⁵Бородулин В. И. Очерки истории отечественной кардиологии. — М., 1988. — С. 56.

⁶Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 419.

⁷Bouilland J.-V. Traite des fievres lites essentielles. — Paris, 1826. — P. 13.

⁸Бруссе Ф. Афоризмы, или главные основания Физиологии, Патологии и Терапии, предложенные Профессором Бруссе, главным врачом учебной Военной Госпитали в Париже. 1823 года. / Пер. с фр. Ив. Георгиевский. — М., 1824. — С. 168.

⁹Цит. по кн.: Плетнев Д. Д. Избранное. — М., 1989. — С. 291.

3. "Динамических" (функциональных) болезней не может существовать в принципе, поскольку, если нет повреждения, то нет и болезни, так как это одно и то же. Если есть хотя бы один клинический симптом, обязательно должно быть морфологическое повреждение, а "если трупы иногда кажутся нам немymi, то это потому, что мы не умеем их спрашивать"¹⁰.

Значение идей и выводов Ф. Бруссе для дальнейшего развития медицины трудно переоценить. Ведь отказ от онтологического представления о болезни, которое после доказательных клинико-морфологических исследований Ф. Бруссе начало вытесняться из массового врачебного сознания, обеспечивал безоговорочную победу естественно-научного подхода к изучению патологических процессов, постепенное превращение патологической анатомии из преимущественно прикладной дисциплины о морфологических знаках присутствия в организме неких мифических существ в фундаментальную медицинскую науку, изучающую структурные основы патологических процессов. Именно в этом, а не только "в ясно выраженной оппозиции... онтологическому взгляду на болезнь" состоит "услуга", оказанная Ф. Бруссе медицине. Значение этой "услуги" оценили Ж.-Б. Буйо и М. Я. Мудров, но не поняли многие современники, сосредоточившие внимание на "физиологическом учении" Ф. Бруссе, и передали свое непонимание потомкам.

С 1824 г. М. Я. Мудров занял еще более активную позицию в отношении преподавания патологической анатомии в Московском университете. Под влиянием новых идей для него вновь, как и в 1805 г., стала очевидной необходимость срочных преобразований, поскольку существовавшее положение с преподаванием патологической анатомии, являвшейся, по его мнению, наиболее эффективным инструментом изучения болезней, представлялось ему вопиющим несоответствием требованиям времени. И здесь, как нельзя кстати, состоялась встреча М. Я. Мудрова с А. И. Овером, прервавшим стажировку в Страсбургском университете в связи с болезнью матери. Встреча оказалась полезной для обоих: А. И. Оверу удалось поправить здоровье матери, так что в конце 1825 г. он смог забрать ее с собой во Францию, а М. Я. Мудров узнал последние французские новости, одна из которых привлекла его особое внимание. А. И. Овер рассказал о своем близком знакомстве со страсбургским профессором И. Ф. Лобштейном и о возглавляемой им первой в Европе кафедре патологической анатомии. У М. Я. Мудрова, к этому времени уже в достаточной мере сенсбилизированного идеями Ф. Бруссе, это известие трансформировалось в замысел организации подобной кафедры в Московском университете, и ему оставалось лишь дожидаться подходящего случая, чтобы официально выступить с соответствующей инициативой.

Случай не заставил себя долго ждать. Уже в конце июня 1825 г. на очередном заседании Совета Московского университета были зачитаны письмо попечителя Московского учебного округа князя А. П. Оболенского¹¹ и циркуляр министра народного просвещения А. С. Шишкова¹²: Совету предлагалось преоставить предложения о содержании нового университетского устава, для подготовки которого в Министерстве создавался специальный комитет. Судя по сохранившимся документам, уже через несколько дней на заседании Совета медицинского факультета М. Я. Мудров поделился с коллегами своей идеей об организации самостоятельной кафедры для преподавания патологической анатомии. Однако его предложение, по-видимому, не получило поддержки. Во всяком случае в итоговом заключении Совета Московского университета от 24 июля 1825 г.¹³ ни о создании кафедры патологической анатомии, ни даже о введении этой дисциплины в число учебных предметов факультета в рамках уже существовавших кафедр не говорилось ни слова. М. Я. Мудров не согласился с позицией своих коллег и, воспользовавшись разрешением министра "особые мнения Профессоров присовокуплять к общему мнению Совета", направил в Министерство "Мнение об учреждении новой кафедры для Анатомии Патологической и для Физиологии Сравнительной"¹⁴. "... Нахожу полезным и славе России приличным, — писал М. Я. Мудров в "особом мнении", — дабы для сих важных частей Медицины, всюду в Европе преподаваемых, т. е. для Патологической Анатомии и для Физиологии Сравнительной, устроена была нарочная кафедра в Московском Университете, назначен был особый Профессор с Адъюнктом из Врачей и с

¹⁰Broussais F.-J.-V. Histoire des phlegmasies croniques. — Paris, 1808. — Т. II. — P. V.

¹¹ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, д. 2648, л. 4.

¹²Там же, л. 1—3 об.

¹³Там же, ф. 459, оп. 1, д. 2648, л. 12 об.

¹⁴Там же, л. 41—42 об.

прозектором, и определена... сумма для приобретения, делания и хранения препаратов по обеим сим частям, т. е. по Анатомии Патологической и Зоотомии"¹⁵.

Патологическая анатомия и сравнительная физиология... Наука, изучающая структурные основы патологических процессов и физиологии животных. Что между ними общего, почему вообще зашла речь о введении преподавания сравнительной физиологии и, наконец, для чего понадобилось объединять в рамках одной кафедры столь разные научные дисциплины? Гораздо более логичным было бы, например, выступить с предложением об организации отдельного курса сравнительной физиологии в рамках кафедры "Скотолечения", на которой курсы анатомии и физиологии животных читались с момента ее учреждения в 1804 г.¹⁶ Но М. Я. Мудров, прекрасно разбиравшийся в вопросах университетского медицинского образования и уж, конечно, великолепно знавший о том, что преподавалось на кафедре "Скотолечения", почему-то предпочел объединить сравнительную физиологию именно с патологической анатомией, а в отношении кафедры "Скотолечения" лишь между прочим упомянул, что "препараты... Зоотомические могут быть пригодны и для лекций Профессора Ветеринарной Науки"¹⁷.

Так какое же подразделение в структуре медицинского факультета Московского университета задумал организовать М. Я. Мудров? Какие задачи оно было призвано решать? Попробуем разобраться и с этой целью обратимся к тексту "особого мнения", стараясь по возможности следовать за ходом мысли его автора.

Документ начинается краткой исторической справкой, посвященной вопросам возникновения патологической анатомии, которая хотя и писалась М. Я. Мудровым как простое введение к основному тексту документа, заслуживает отдельного рассмотрения. Напомним: в 1805 г. в письме М. Н. Муравьеву М. Я. Мудров характеризовал патологическую анатомию как науку, которую "почитают... новой, хотя она и не есть", и давал понять, что к началу XIX века она уже имела сравнительно продолжительную историю, причем настолько продолжительную, что за время, прошедшее с ее возникновения, о патологической анатомии даже успели "позабить, путившись в строение теорий"¹⁸. Возврат к пониманию важности анатомического исследования "болезненных произведений", по мнению М. Я. Мудрова, произошел только в конце XVIII века под влиянием Дж. Б. Морганьи, показавшего "дорогу в сей храм природы"¹⁹. В "особом мнении" М. Я. Мудров также упоминает и имя Дж. Б. Морганьи и первые, начавшие еще "со времен Бэкона Веруламского", попытки вскрытия трупов с целью установления "причин и свойств болезней внутренних и наружных"²⁰, но уже в контексте предисловия оценивает патологическую анатомию без каких-либо оговорок как науку "новую", относит время ее возникновения к первой четверти XIX века и называет ее основоположниками не Дж. Б. Морганьи, а П. Поргалья, М. Биша, И. Ф. Меккеля (младшего) и Р. Лаэннека²¹.

Что заставило М. Я. Мудрова изменить собственное представление об истории возникновения патологической анатомии, точно неизвестно. Но, вероятнее всего, под влиянием новых идей и открытий изменились взгляды М. Я. Мудрова на предмет, цели и задачи патологической анатомии. То, что сделали и чего добились предшественники и современники Дж. Б. Морганьи, и то, что в 1805 г. он считал уже сложившейся наукой, в 1825 г. рассматривалось им лишь как этап становления патологической

анатомии. Эта версия находит полное подтверждение при дальнейшем анализе и сопоставлении текстов письма М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву от 27 марта 1805 г. и "особого мнения".

В 1805 г. М. Я. Мудров определял патологическую анатомию как одну из "практических (рукодеятельных) наук, предмет которой "...есть изыскать повреждения, случающиеся в строение важных частей столько, сколько оныя по сих пор нам известны из открытия трупов, и излагать механические их причины чувствами видения и осязания"²². В "особом мнении" от приведенного взгляда на патологическую анатомию осталось, пожалуй, только лишь одно название самой дисциплины. Впрочем, в 1825 г. для М. Я. Мудрова патологическая анатомия больше не практическая "рукодеятельная", а теоретико-практическая наука, которой "Врачи одолжены, что Медицина постепенно выходит из гадательных наук и стала подходить ближе к наукам верным"²³, и которая, "отверзая двери к таинствам физиологии болезней"²⁴, составляет "вторую по Гиппократу основу Медицины Практической"²⁵. Во-вторых, предмет ее изучения состоит уже не только и не столько в "показании болезненных останков" важнейших органов и частей человеческого тела. "...Анатомия Патологическая, — писал М. Я. Мудров в "особом мнении", — развивает нити и узлы тела болезненного, описывает превращения, изменения и разрушения его орудий до последней их ткани и тончайших внутренних волокон и сосудов..., показывает в существе как они (болезни. — *Авт.*) внутри роятся, зреют, разрешаются, переходят в другие болезни..."²⁶. Иными словами, в 1825 г. М. Я. Мудров прямо заявил, что патологическая анатомия — это фундаментальная наука, изучающая не морфологические знаки болезней, а патологические процессы, протекающие в организме заболевшего человека, и их структурные основы, причем как на органном, так и на тканевом уровне.

Даже в середине 20-х годов XIX века так думали, а тем более публично высказывали подобные суждения очень немногие, а точнее, лишь те, кто смог оценить и принять сформулированное Ф. Бруссе положение о болезни, как о протекающем в организме заболевшего человека патологическом процессе. И тот факт, что в "особом мнении" М. Я. Мудров не упоминает ни имени, ни работ Ф. Бруссе, не следует трактовать как попытку автора документа утаить основной источник идей или выдать идеи Ф. Бруссе за собственные. К 1825 г. Ф. Бруссе своими умозрительными теоретическими рассуждениями уже достаточно скомпрометировал и свое имя, и те без преувеличения выдающиеся открытия, которые он совершил к 1816 г. на основе строгих клинико-анатомических исследований. Поэтому М. Я. Мудров, скорее всего, попросту не рискнул упоминать Ф. Бруссе. Он прекрасно понимал, что в случае, если его "особое мнение" вызовет интерес в Министерстве народного просвещения, то его обязательно направят на рецензии, а для любого недоброжелательно настроенного рецензента ссылка на Ф. Бруссе может послужить удобным предлогом, чтобы попытаться опорочить как автора документа, так и изложенную в нем идею организации кафедры.

Однако последуем дальше за ходом мудровских рассуждений, общая направленность которых в целом также соответствовала идеологии работ и суждений Ф. Бруссе. Последний же неоднократно повторял, что если для выявления и регистрации "морфологических знаков присутствия в теле человека болезненных существ" патологической анатомии вполне достаточно секционного ножа, то для всестороннего изучения патологических процессов и внутренней логики их развития секционный метод исследования должен быть обязательно дополнен физиологическим, а точнее, патофизиологическим осмыслением сути наблюдаемых структурных изменений. М. Я. Мудров полностью разделял эту точку зрения и в "особом мнении" прямо заявлял, что основой патологической анатомии, перед которой стоят новые задачи познания патологических процессов и их структурных основ, должно служить знание не одной только, как прежде, нормальной анатомии, но и нормальной физиологии. "Анатомия Патологическая, — говорилось в документе, — сверх описательной Анатомии предполагает знание Физиологии здорового тела..."²⁷.

В "особом мнении" процитированным выше предложением начинался очередной абзац, в котором развивалась мысль о, если можно так выразиться, "физиологической" составляющей

¹⁵ Там же, л. 42 об.

¹⁶ Например, в "Объявлениях о публичных учениях..." за 1809/10 учебный год прямо говорилось, что "Иван Андреевский, Медицины Доктор, Ветеринарии Профессор Публичный Экстраординарный... будет читать... Физиологию животных, сравнивая экономию их тела с экономией тела человеческого по книге, на сей конец им изданной..." // Объявления о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 1809 Августа 17 по 28 Июня 1810 года. По назначению Совета. — М., 1809. — С. 7.

¹⁷ ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, д. 2648, л. 42 об.

¹⁸ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 47 (Далее — Письма М. Я. Мудрова).

¹⁹ Там же. — С. 48.

²⁰ ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, д. 2648, л. 41.

²¹ Наконец Меккель, Порталь, Биша, Ленек и другие, — писал, в частности, М. Я. Мудров, — из сближения и сравнения... опытов и наблюдений над человеческими трупами и над животными, составили ныне особенную новую науку а именно: Анатомию Патологическую // Там же, л. 41.

²² Письма М. Я. Мудрова. — С. 48.

²³ ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, д. 2648, л. 41.

²⁴ Там же, л. 41 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 42.

патологической анатомии. Но мы не случайно не стали приводить весь абзац целиком, а оборвали мудровский текст, что называется, на полуслове. Дело в том, что за стоящей в конце этого предложения точкой М. Я. Мудров перестает быть бруссеистом, отказываясь идти дальше вслед за своим кумиром. Напомним: Ф. Бруссе для объяснения внутренней логики развития патологических процессов и объяснения причин возникновения повреждений в органах и тканях человеческого тела в отдалении от первичного патоморфологического очага пытался использовать данные существовавшей в то время физиологии, которые и завели Ф. Бруссе "в область умозрительных гипотез и предположений". Для большинства современников Ф. Бруссе последнее обстоятельство поставило под сомнение правильность избранного им пути. М. Я. Мудров же понял, что причина неудачи Ф. Бруссе состояла в умозрительном характере существовавшей тогда физиологии. "...Нормальная Физиология (*Physiologia sana*), — писал он в 1828 г. — надстраивается над понятиями Анатомии и Экспериментами. Если же Физиология пойдет обратной поступью в переходящих созерцаниях Метафизики, под помпезным названием Естественной Философии или в абстрактных обозначениях, то в Практическом Учении (*Doctrina Practica*) мы отклоняем такую Физиологию человеческого тела, как идеальную"²⁸.

По-видимому, столько же "идеальной" М. Я. Мудров считал и читавшийся в Московском университете курс физиологии и, поскольку не мог допустить, чтобы такая физиология стала для студентов одной из основ новой патологической анатомии, предложил организовать фактически альтернативный курс нормальной физиологии человека. Мы не оговорились — именно физиологии человека, поскольку сравнительная физиология была для М. Я. Мудрова не более чем средством превращения нормальной физиологии человека из предмета умозрительных умозаключений в науку, базирующуюся на опытно-экспериментальном знании.

Справедливости ради следует отметить, что первым (на рубеже XVIII—XIX веков) путь использования сравнительной физиологии для совершенствования физиологии человека предложил знаменитый французский естествоиспытатель Ж. Кювье: "...достаточно проследить изучаемый орган через все классы животных, его имеющих, и выяснить, какие части тела имеются всегда и какие изменения в относительных функциях этого органа вызывает отсутствие тех частей, которых лишены некоторые классы...", и бывает достаточно одного такого факта, — говорил Ж. Кювье, — "...чтобы разрушить целое сооружение физиологических гипотез"²⁹. Вслед за Ж. Кювье обширные сравнительно-анатомические и сравнительно-физиологические исследования, принесшие немало важнейших открытий для нормальной физиологии человека, выполнил И. Ф. Меккель (младший), получивший за эти работы прозвище немецкого Кювье.

М. Я. Мудров отлично знал и об исследованиях Ж. Кювье, лекции которого в *College de France* слушал, находясь в начале XIX века в Париже, и о работах И. Ф. Меккеля, ссылки на которые можно встретить в его трудах. Однако это обстоятельство ни в коей мере не должно влиять на оценку оригинальности высказанной М. Я. Мудровым в 1825 г. идеи организации кафедры патологической анатомии и сравнительной физиологии. Заимствовал у И. Ф. Лобштейна замысел создания на медицинском факультете самостоятельной кафедры патологической анатомии, у Ф. Бруссе — представление о патологической анатомии как о науке, изучающей патологические процессы и их структурные основы, у Ж. Кювье и И. Ф. Меккеля — идею использования сравнительной физиологии для превращения физиологии человека в опытно-экспериментальную науку, М. Я. Мудров в итоге выступил с абсолютно оригинальным предложением по организации кафедры, не имевшей аналогов в мире, кафедры, на которой читались бы фундаментальные естественно-научные основы всей клинической медицины.

Остается лишь удивляться силе интеллекта М. Я. Мудрова, опередившего естественный ход развития событий примерно на четверть века. Возможно, поэтому большинство профессоров факультета не оценили его замысла, и о предложении организовать кафедру патологической анатомии и сравнительной физиологии в Министерстве народного просвещения узнали не из общего заключения Совета университета, а из прилагавшегося к нему "особого мнения... Ординарного Профессора Клиники и Декана Врачебного отделения в Москве... Матвея Мудрова".

²⁸ Mudrow M. *Nosographia Physiologica, ad leges et extispicia Anatomiae et Patologicae delineata* // Конспекты отделения медицинских наук при Императорском Московском университете. — М., 1828. — С. 22 (Пер. с лат. проф. В. Ф. Новодрановой).

²⁹ Cuvier G. *Lecons d'anatomie comparee*. — Paris, 1800. — Vol. 1. — P. VI—VII.

Судя по всему, единственным человеком из числа преподавателей медицинского факультета Московского университета, оценившим глубину и перспективность мудровского предложения, был Ю. Х. Лодер. Не случайно же М. Я. Мудров предлагал поручить именно Ю. Х. Лодеру организацию новой кафедры и руководство ею³⁰. Кроме того, представляется невероятным, чтобы М. Я. Мудров не согласовал с Ю. Х. Лодером текст "особого мнения" и прежде всего рекомендацию о его назначении. Это было бы попросту неэтично и скорее всего расценено Ю. Х. Лодером как попытка откровенного манипулирования его именем. Ю. Х. Лодер был заносчив, самолюбив, и такой поступок М. Я. Мудрова мог привести к разрушению их творческого альянса.

Были у М. Я. Мудрова и другие, причем не менее веские основания, чтобы заранее ознакомить Ю. Х. Лодера с текстом направляемого им в Министерство документа. М. Я. Мудров понимал, что если даже его инициатива встретит поддержку в Министерстве народного просвещения, то пока завершится работа над составлением нового устава пройдет минимум несколько лет, в течение которых университет будет продолжать выпускать лекарей, не получивших современной теоретической и клинической подготовки. Чтобы хотя бы отчасти воспрепятствовать этому и, не дожидаясь решений по "особому мнению", внедрить в программу обучения на медицинском факультете Московского университета новое знание, М. Я. Мудров нуждался в союзнике. Нуждался потому, что не видел возможности решать эту задачу в одиночку.

М. Я. Мудров обратился за помощью к Ю. Х. Лодеру, и уже летом 1825 г. ими был разработан план внедрения патологической анатомии в учебную программу медицинского факультета, нашедший отражение в обнаруженном нами и почему-то не упоминаемом ни одним из исследователей истории патологической анатомии в Московском университете "Объявлении о публичных учениях..." за 1825/26 учебный год. В документе, в частности, говорилось, что Ю. Х. Лодер "...будет преподавать... Анатомию тела человеческого... к чему присовокупит Анатомию Патологическую и науки сии будет объяснять препаратами из Анатомического Университетского Кабинета)", а М. Я. Мудров "...будет преподавать Частную Медицину Клиническую по руководству Иосифа Франка при постелях больных, в Клиническом институте лежащих. В исследовании болезней и их определении, следуя аналитическому способу, место болезней и их свойства будет означать и объяснять из новейших начал анатомии патологической"³¹. Суть достигнутых Ю. Х. Лодером и М. Я. Мудровым договоренностей состояла, таким образом, в том, чтобы в рамках действовавшего штатного расписания факультета ввести преподавание двух последовательных взаимосвязанных курсов патологической анатомии. Первый и основной курс должен был предусматривать систематическое и обязательно наглядное изложение всего объема накопленных к середине 20-х годов XIX века сведений о возможных нарушениях в строении органов и тканей человеческого тела. Его преподавание взял на себя Ю. Х. Лодер, который, во-первых, имел необходимый для этого опыт, а во-вторых, располагал всеми возможностями для демонстраций студентам патоморфологических изменений, обнаруживаемых при различных заболеваниях. В рамках второго курса студентам вновь предлагалось познакомиться с уже известными им патологоанатомическими данными, но уже не с морфологической, а с клинко-анатомической точки зрения в контексте разбираемых профессором патологии, терапии и клиники патологических процессов.

У нас нет оснований предполагать, что сделанные Ю. Х. Лодером и М. Я. Мудровым летом 1825 г. "объявления" остались лишь благими намерениями. А если это так, то 1825 г. по праву должен считаться рубежной датой в истории патологической анатомии в Московском университете — датой начала следующего этапа ее становления. С 1825 г. внедрение патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета перестает носить характер скрытого вяло текущего процесса; начинает формироваться и активно пропагандироваться представление о патологической анатомии как о важнейшей фундаментальной науке, одной из основных учебных дисциплин в программе факультета; происходит значительное расширение объема преподаваемых патологоанатомических данных в курсах нормальной анатомии и клиники внутренних болезней. Более того, в 1825/26 учебном году даже предпринимается попытка ввести в Московском университете преподавание систематического курса патологической анатомии. К сожалению, эта попытка завершилась неудачей. Летом

³⁰ ЦИАМ, ф. 459, оп. 1, л. 2648, л. 42 об.

³¹ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17 Августа 1825 г. по 28 Июня 1826 г. По назначению Совета. — М., 1825. — С. 6—7.

1826 г. Ю. Х. Лодер недвусмысленно дал понять, что отказывается от преподавания систематического курса патологической анатомии. В представленном в Совет университета на предстоящий 1826/27 учебный год расписании своих лекций Ю. Х. Лодер уже не стал объявлять о преподавании патологической анатомии как науки, а лишь отметил, что "...присовокупит, где нужно будет, замечания, относящиеся до Анатомической патологии и Физиологии и объяснит разные части как свежими трупами, так и Анатомическими и Патологическими препаратами Университетского Кабинета"³². Начиная с 1827 г. словосочетание "патологическая анатомия" вообще исчезает из расписаний его лекций.

Истинные причины таких действий Ю. Х. Лодера неизвестны. С уверенностью можно говорить лишь о том, что принятое им решение прекратить преподавание патологической анатомии не было связано с изменением его взглядов в отношении важности включения этой дисциплины в число учебных предметов медицинского факультета. Поданный им в 1829 г. в Министерство народного просвещения проект университетского устава может служить достаточным основанием для такого утверждения³³.

Вероятнее всего, отказ Ю. Х. Лодера от преподавания патологической анатомии стал следствием либо возникшего между ним и новым попечителем Московского учебного округа А. А. Писаревым конфликта, который чуть было не закончился уходом Ю. Х. Лодера из университета³⁴, либо преподавание практического двух учебных курсов оказалось для Ю. Х. Лодера непосильным. Не будем забывать, что в 1826 г. ему исполнилось уже 73 года.

М. Я. Мудров вновь остался один на один с волновавшей его проблемой, но это не только не остановило его, но, напротив, заставило действовать еще более решительно и целеустремленно. Как свидетельствуют обнаруженные нами архивные документы, в течение 1826—1828 гг. он в очередной раз полностью переработал свой курс "Частной Медицины Клинической", главным образом для того, чтобы значительно увеличить объем использования патологоанатомического материала. "Что же касается специальной терапии и клиники, — писал М. Я. Мудров в Совет Московского университета весной 1826 г., объясняя причину задержки представления конспекта читавшихся им лекций, — то поелику ее практическая часть в новейшее время является предметом анатомико-патологических изысканий и приняла новое направление; почему сообразно нынешнему состоянию оной в ученом свете, я должен был каждую болезнь подвергнуть особенному анатомико-физиологическому исследованию, отчего и самый порядок конспекта изменился"³⁵. В результате этой работы в 1827 г. была написана, а в 1828 г. издана "Nosographia physiologiae ad leges et extispicae anatomiae generalis et pathologiae delinecta", в предисловии к которой М. Я. Мудров прямо указал, что эта "классификация... основана не на теории, а на данных патологической анатомии"³⁶.

Подробно с содержанием мудровской нозографии можно познакомиться в монографии А. Г. Лушниковой, где она приведена почти полностью³⁷. Со своей стороны лишь добавим, что главной отличительной чертой этой классификации болезней было отсутствие в ней заболеваний "динамических", не имевших в своей основе морфологического субстрата. Использование М. Я. Мудровым этой нозографии для преподавания "Частной Медицины Клинической", а, судя по "Обозрениям публичных преподаваний...", начиная с 1827/28 учебного года, именно она стала служить основой читавшегося им курса, с одной стороны, позволило М. Я. Мудрову дополнительно расширить объем привлекаемых патоморфологических данных, с другой — имело неосценимые последствия в плане пропаганды роли патологической анатомии для клинической медицины. Не случайно, многие из тех, кто в эти годы учился у М. Я. Мудрова (и здесь в первую очередь следует назвать имена Н. И. Пирогова и Г. И. Сокольского), впоследствии посвятили себя работе в области патологической анатомии.

³²Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете с 17 Августа 1826 по 28 Июля 1827 года. По назначению Совета. — М., 1826. — С. 6.

³³Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. — М., 1998. — С. 261—264.

³⁴Там же. — С. 245—247.

³⁵ЦИАМ, ф. 418, оп. 81, д. 1604, л. 5.

³⁶Mudrow M. Op. cit. — S. 22.

³⁷Лушников А. Г. Клиника внутренних болезней в России первой половины XIX века. — М., 1959. — С. 112—117.

Но М. Я. Мудров не остановился на достигнутом и уже спустя год предпринял попытку полностью компенсировать последствия отказа Ю. Х. Лодера от преподавания патологической анатомии, взяв на себя решение проблемы наглядности обучения этой важнейшей медицинской дисциплине. Как именно, кроме проводившихся им и ранее демонстраций студентам вскрытий умерших в клиниках, М. Я. Мудров обеспечил своим слушателям возможность практического ознакомления с наблюдаемыми при различных заболеваниях патоморфологическими изменениями в органах и тканях, точно установить не удалось. Однако тот факт, что какой-то выход М. Я. Мудровым все-таки был найден, сомнений не вызывает. Иначе вряд ли, выступая в 1828 г. с актовой речью, М. Я. Мудров стал бы всеуслышание заявлять о переименовании своего курса, который с этого времени получил наименование "Частной Патологии, Терапии и Клиники с анатомико-патологическими демонстрациями"³⁸.

Важность осуществленных М. Я. Мудровым в 1825—1828 гг. нововведений не только для становления патологической анатомии и клинического преподавания в Московском университете, но и для фундаментализации формирующейся отечественной клинической медицины, внедрения в нее естественно-научных начал, трудно переоценить. И не случайно исследователи его творчества особо отмечают, что он был первым или по крайней мере одним из первых русских клиницистов, придавших "огромное значение установлению связи между клиникой и патологической анатомией", опережая в этом отношении "большинство современных ему клиницистов", связи, представление о которой в массовом сознании европейских клиницистов тогда еще только начинало зарождаться³⁹. Развивая эту мысль, можно с уверенностью говорить, что М. Я. Мудров не просто преподавал элементы патологической анатомии или пропагандировал значимость для практической медицины новой науки, а, выражаясь словами Р. Вирхова, внедрил в медицину "анатомическую мысль", без проникновения которой в массовое сознание российских врачей отечественная клиническая медицина не смогла бы стать ни эффективной, ни современной, ни научной.

М. Я. Мудров совершил колоссальный прорыв в деле внедрения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета и судя по тому, что он уже в 1828 г. приступил к составлению обширного учебника по практической медицине, основанного на новых подходах к изучению патологических процессов, был готов и на большее. Но судьба распорядилась иначе. В 1830 г., когда страну охватила страшная эпидемия холеры, М. Я. Мудров возглавил Медицинский Совет при Центральной Комиссии по борьбе с эпидемией и в 1831 г. трагически погиб в расцвете творческих сил. Смерть М. Я. Мудрова стала тяжелой утратой не только для русской клинической медицины, но и для еще совсем молодой отечественной патологической анатомии. Преемник М. Я. Мудрова И. Е. Дядьковский по существу свел на нет все достигнутое М. Я. Мудровым с 1825 г. в деле внедрения патологической анатомии в учебный процесс на медицинском факультете.

И. Е. Дядьковский не был противником патологической анатомии. При изучении его трудов ясно видно, что он обладал серьезными знаниями в этой области. В лекциях при объяснении различных заболеваний И. Е. Дядьковский отдельно останавливался на их патологоанатомической характеристике, излагая при этом не данные единичного вскрытия, а обобщенную картину морфологических изменений⁴⁰.

Он широко использовал эти материалы в объяснении "распознавания", лечения, исходов заболеваний. Даже при изложении заболеваний, связанных "с состоянием душевных способностей", И. Е. Дядьковский не изменял этому принципу. Более того, И. Е. Дядьковский особо подчеркнул: "...случается, что при вскрытии трупов нельзя найти никакого повреждения организации, но из этого никак нельзя замечать, чтобы действительно повреждения не было"⁴¹.

И все же, несмотря на эти в целом совершенно справедливые слова, с приходом И. Е. Дядьковского на кафедру патоло-

³⁸Мудров М. Я. О пользе врачебной пропедевтики, то есть медицинской энциклопедии, методологии и библиографии // Мудров М. Я. Избранные произведения. — М., 1949. — С. 273—274.

³⁹См., например: Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915. — С. 51—52; Смотров В. Н. Мудров. — М., 1947. — С. 47—48.

⁴⁰Дядьковский И. Е. Практическая медицина. Лекции частно-терапевтические. — М., 1846—1847. — Ч. I—II.

⁴¹Дядьковский И. Е. Там же. — М., 1846. — Ч. I. — С. 21—22.

гии, терапии и клиники произошел известный возврат к тому положению дел с преподаванием патологической анатомии, которое имело место до 1825 г. В системе взглядов И. Е. Дядьковского патологическая анатомия не играла той основополагающей роли, которую ей отводил М. Я. Мудров. После 1831 г. студентам Московского университета вновь стали рассказывать об органических и "динамических" болезнях, а патологическую анатомию вновь стали преподавать как прикладную науку, изучающая морфологические знаки органических болезней.

Все предпринятые нами попытки обнаружить хотя бы косвенные свидетельства того, что И. Е. Дядьковский демонстрировал своим студентам патологоанатомические изменения, случающиеся в органах и частях человеческого тела при различных заболеваниях, успехом не увенчались. Более того, в Центральном историческом архиве Москвы обнаружена составленная И. Е. Дядьковским 16 декабря 1831 г. достаточно подробная инструкция "О правилах, определяющих учебные обязанности раз-

ных лиц, действующих по Клиническому Институту Московского университета", в которой ни слова не говорилось не только о преподавании элементов патологической анатомии, но даже о проведении контрольно-диагностических вскрытий умерших в клинике⁴². И как знать, не подкрепи М. Я. Мудров и Ю. Х. Лодер свои начинания по внедрению патологической анатомии в учебную программу медицинского факультета Московского университета рядом, если можно так выразиться, законодательных инициатив, совершенный ими во второй половине 20-х годов XIX века прорыв, выведивший университет в вопросах преподавания патологической анатомии в число ведущих медицинских школ Европы, вполне мог остаться без каких-либо позитивных последствий.

Поступила 30.09.99

⁴²ЦИАМ, ф. 418, оп. 338, д. 42, л. 1—3 об.